

«Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...»

Документы по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г.

В 2003 г. в Москве был издан фундаментальный двухтомный сборник документов «Дело генерала Л.Г. Корнилова»¹, содержащий публикацию 222 различных документов по этой теме. Первый том составили материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Л.Г. Корнилова; во второй вошли показания и протоколы допросов. Это издание стало основополагающим для дальнейшего изучения корниловского выступления.

В сборнике были опубликованы свыше ста показаний различных лиц, причастных к этому выступлению и к его подавлению, от генералов до прапорщиков включительно. Эти документы хранятся в фонде 1780 Государственного архива Российской Федерации («Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках»), включающем 108 единиц хранения. Однако в двухтомнике отсутствовали документы следствия в отношении сторонников генерала Корнилова с Юго-Западного фронта, таких, как, главнокомандующий армиями фронта генерал А.И. Деникин, его начальник штаба генерал С.Л. Марков и другие. Объяснения такой особенности не приводились.

Архивные изыскания в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (далее – VAR) в Нью-Йорке позволили дать этому объяснение. Подлинные документы расследования по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте («Дело о событиях 27 и 28 августа 1917 года в городе Бердичеве») были обнаружены нами в этом архиве, в коллекции прокурора Р.Р. фон Раупаха. Есть все основания считать эту находку одним из главных архивных открытий года столетия российских революций.

Первый том найденного расследования посвящен событиям в Бердичеве, где находился штаб фронта, второй – событиям в Житомире, где располагалось главное управление снабжений фронта, третий – событиям и там, и там. Среди выявленных материалов протоколы свыше 90 допросов генералов А.И. Деникина, И.Г. Эрдели, В.И. Селивачева и других участников выступления, вплоть до писарей, постановления, телеграммы, переписка, а также личные воспоминания самого Р.Р. фон Раупаха о деле Корнилова.

О корниловском движении на Юго-Западном фронте в общих чертах известно. Его подробности изложены в воспоминаниях генерала А.И. Деникина². Тем не менее совершенно очевидно, что выявление большого комплекса следственной документации общим объемом свыше тысячи листов документов выводит изучение этой темы (а также сопутствующих сюжетов, не исключая биографические) на принципиально новый уровень детализации.

Личность полковника Романа Романовича фон Раупаха (1870–1943) получила широкую известность после того, как в 2007 г. на русском языке были изданы его нехарактерные для эмигранта воспоминания «Facies Hippocratica (Лик умирающего)»³. Однако

¹ Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1–2.

² Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 551–563.

³ Раупах Р.Р., фон. *Facies Hippocratica (Лик умирающего)*. Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года. СПб., 2007.

эти воспоминания практически не затрагивают дело Корнилова. Фон Раупах известен тем, что в ноябре 1917 г. по просьбе Корнилова напечатал предписание быховскому коменданту освободить арестованных Корнилова и других как внесших денежный залог. Документ заверяла печать Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и поддельная подпись председателя комиссии И.С. Шабловского. В итоге генералы спаслись, а сам Шабловский открестился от поддельного документа. В конце декабря 1917 г. фон Раупах уехал в Финляндию, где и прожил до самой смерти. При этом за границу он сумел вывезти и материалы следствия по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте.

Вниманию читателей предлагаются наиболее значимые из найденных документов. Они позволяют составить представление о том, что было вывезено фон Раупахом, содержат сведения о ходе расследования и непосредственно о событиях в штабе Юго-Западного фронта.

Обстоятельства исчезновения части следственных материалов поясняются фон Раупахом в письме известному общественному деятелю В.Л. Бурцеву от 27 августа 1928 г. (док. № 1). В нем он отметил, что вывез в Финляндию часть копий следственных актов и все подлинное делопроизводство по делу генералов Юго-Западного фронта. Подтверждением того, что речь идет именно о подлинном комплексе делопроизводственной документации, служит предписание военного комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданского полемому военному прокурору фронта о проведении расследования (док. № 2).

Наибольший общественный интерес среди этих документов вызывают показания главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А.И. Деникина и начальника штаба фронта генерала С.Л. Маркова (док. №№ 3 и 4). Некоторые старшие офицеры-генштабисты, в частности, подполковники Е.А. Кельчевский и В.В. Колоссовский не поддержали Корнилова. Их показания (док. №№ 5 и 6) позволяют составить разностороннее представление о случившемся. Наконец, для понимания общей картины событий чрезвычайно важны показания лица, руководившего арестами генералов в Бердичеве и Житомире, военного комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданского (док. № 7).

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением их стилистических особенностей. Подчеркивания, имеющиеся в тексте, не воспроизводятся. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Сведения о ряде лиц выявить не удалось.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В. ГАНИН.

№ 1

Письмо Р.Р. фон Раупаха В.Л. Бурцеву¹

Гельсингфорс

27 августа 1928 г.

Милостивый Государь

Владимир Львович!

Одиннадцать лет тому назад, состоя членом образованной для обследования дела ген[ерала] Корнилова следственной комиссии, мне удалось вывезти в Финляндию часть относящихся к этому делу следственных актов (в копиях) и полно-

стью все подлинное производство по делу генералов Ю[го-]З[ападного] фронта: Деникина², Маркова³, Эрдели⁴ и др.

Эта счастливая случайность и то обстоятельство, что политические события 1917 г. помешали не только всестороннему освещению дела судом, но и оглашению добытых следствием данных в более или менее систематизированном виде, давно уже зародили во мне намерение разработать сохранившиеся материалы, дополнить их личными впечатлениями как о самом деле, так и о той цепи событий, последним и неизбежным звеном которой оно являлось, и эти результаты «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» – издать особой книгой.

Осуществление этого намерения встречало, однако, неодолимые препятствия: с одной стороны, я не мог получить части хранившихся вне Гельсингфорса моих заметок, с другой – тяжелое материальное положение настоятельно требовало заработка и исключало возможность целиком отдаться бездоходному труду.

В настоящее время я надеюсь получить некоторую возможность в течение нескольких месяцев быть освобожденным от забот о хлебе насущном, а так как весной этого года доставлена мне и отсутствовавшая часть заметок, то я и решил попробовать оглянуться на минувшие дни, спеша это сделать еще и потому, что усталая жизнь быстро клонится к закату и что «судьбой отсчитанные дни» едва ли будут многочисленны.

Цель настоящего обращения к Вам, глубокоуважаемый Владимир Львович, есть просьба посодействовать в выполнении той задачи, которая в свое время была начата Вами и завершению которой, к величайшему огорчению, помешало событие 25-го октября.

5-го сентября 1917-го года, т. е. на другой день после прибытия комиссии в Могилев, туда же прибыл А.Ф. Керенский⁵ и поставил свой салон рядом с нашим вагоном, оставался в Могилеве в течение всего времени пребывания там комиссии. Так как о какой-либо активной деятельности в смысле руководства в качестве Верх[овного] главнокомандующего боевыми операциями не могло быть, конечно, и речи, то совершенно очевидно, что единственной целью этого длительного покинутия^а Петербурга было стремление наблюдать за деятельностью комиссии и руководить ею.

Керенский поставил комиссии две задачи:

1) Ограничить следствие одним фактом издания и распространения Корниловым⁶ известного воззвания, начинавшегося словами «Русские люди», и, квалифицировав этот поступок как явное восстание (110 ст. XXII кн[иги]⁷), направить дело в военно-революционный суд.

2) Предоставить комиссару Иорданскому⁸ организовать военно-революционный суд в Бердичеве для немедленного рассмотрения дела генералов Деникина, Маркова и др., не выжидая обследования «мятежа» самого ген[ерала] Корнилова.

Первое из этих требований механически отсекало и погружало в Лету всю деятельность самого Керенского, обращая «сговор» в «заговор», второе – обеспечивая смертный приговор второстепенным виновникам, этим самым предрешало судьбу виновников главных⁹.

^а Так в тексте.

Комиссия, единогласно и категорически возражавшая против обоих требований, осталась непоколебимой и после защиты точки зрения Керенского специально вызванным в Могилев военно-полев[ым] прокурором ген[ерал]-лейт[енантом] Батогом¹⁰.

Заседание, на котором обсуждался этот вопрос, происходило в нашем вагоне и закончилось грубым замечанием Керенского: «Мне нужны не защитники ген[ерала] Корнилова, а следователи, и я приму меры, чтобы допущенная ошибка была исправлена». С этими словами он вышел, ни с кем из нас не попрощавшись.

На другой день, кажется, от флаг-капитана Муравьева¹¹, я узнал об ожидаемом приезде в Ставку прокурора Московской судебн[ой] палаты Сталя¹².

Приезд этот, правда, мотивировался желанием выслушать заключение московского эксперта, но в действительности представлялось весьма вероятным, что результатом приезда будет реконструкция комиссии, а, следовательно, 110 статья и соответствующая ей подсудность.

Надо было действовать спешно и решительно.

Я видел только одну единственно действительную меру, но, являясь противозаконной и до известной степени предательской по отношению к Керенскому, она не могла быть одобрена комиссией. На одно ознакомление с нею комиссию я не решался, потому что оно исключало бы возможность самоличного ее осуществления мною. По этой причине без ведома кого-либо из своих коллег, я сделал ген[ералу] Алексееву¹³ следующий доклад:

Ген[ерал] Корнилов при допросе его сообщил, что английский военный агент при Ставке передаст следственной комиссии юзограмму разговора его (Корнилова) с Керенским и Львовым¹⁴. Юзограмма эта, оправдывая сделанное Корниловым в воззвании заявление, что вся первая часть обращения Керенского к народу «является сплошной ложью», была передана на сохранение иностранцу потому, что телеграмма от 26-го авг[уста], отрешавшая Корнилова от должности верх[овного] главнокомандующего без номера и за подписью «Керенский», (без звания) была из дел штаба похищена (впоследствии ген[ерал] Корнилов в частном разговоре говорил мне, что в присвоении этой телеграммы он подозревает М.М. Филоненко¹⁵).

Эту ленту разговора Корнилова с Керенским и Львовым, не оставлявшую никакого сомнения в устроенном Керенским подвохе, как выразился впоследствии В. Львов, я и предложил Алексееву послать в Москву для напечатания в одной из московских газет.

Так как по делу ген[ерала] Деникина предполагалось выступление в бердичевском совдепе Шабловского¹⁶ и члена комиссии Украинцева¹⁷, то газетную кампанию против выделения этого дела мне представлялось целесообразным начать лишь при отрицательном исходе выступления и, во всяком случае, после него.

Эти мои предложения покойный ген[ерал] Алексеев не только вполне одобрил, но со своей стороны предложил написать П.Н. Милокову¹⁸ и просить его содействовать широкому оглашению в печати того материала, который в то время я предполагал доставлять ему, но который впоследствии пересылал Вам через К.В. Николаевского¹⁹.

На другой день состоявший при штабе лично знакомый ген[ералу] Алексееву молодой офицер повез юзограмму в Москву, а через три дня в Ставку приехал кн[язь] Г. Трубецкой²⁰ и вручил Керенскому номер «Утра России», в котором

никому до того времени неизвестный разговор его с Корниловым был напечатан полностью²¹.

С этого момента ограничить следствие одним воззванием «К русским людям» было уже невозможно. Невозможным стал потому и военно-революционный суд.

Деникинскую группу спас полк[овник] Украинцев. Умелыми и настойчивыми выступлениями в Петроградском совдепе ему удалось добиться приказа бердичевскому совдепу объединить оба дела²².

Два года тому назад в переписке с И.С. Шабловским я впервые открыл ему эту сторону своей деятельности в комиссии. Рассказал я ему также и о том, как в ноябре 1917 г., т. е. две недели спустя после его бегства в Ригу, ген[ерал] Корнилов прислал мне как вступившему в обязанности председателя с шт[абс-]кап[итаном] Чунихиным²³ письмо, настоятельно требовавшее принятия самых решительных мер к ограждению заключенных генералов от неизбежного самосуда со стороны возвращавшихся с фронта солдатских банд.

Какие меры я мог принять, да и мыслимы ли были вообще в те дни какие-нибудь законные^а меры. Спасти узников от самосуда могло только освобождение их и побег.

Но такое распоряжение было равносильно смертному приговору над самим собою.

Я решил использовать отсутствие Шабловского и, взяв его официальный бланк, напечатал на машине своего родственника предписание быховскому коменданту освободить из-под ареста Корнилова и прочих заключенных, как внесших денежный залог, и об исполнении донести. Приложив к этому предписанию печать комиссии, я предложил шт[абс-]кап[итану] Чунихину подделать по данным мной образцам подписи Шабловского и мою (скрепа) и найти способ доставить пакет коменданту. Подделка вышла грубой, но это обстоятельство, впоследствии оказавшее мне значительную услугу, не помешало делу, об успешном выполнении которого два дня спустя я узнал из «Известий».

Исходя очевидно из того положения, что «как бы ни был бессмыслен таможенный устав, а контрабандист все-таки мошенник», И.С. Шабловский на эти мои откровения ответил полным прекращением всяких со мной сношений.

Такая оценка моего поведения со стороны честнейшего и благороднейшего Шабловского причинила мне огромное огорчение. Как ни тяжело допущенное мною нарушение служебного долга, все же толкование его как предательства представляется мне равносильным отказу в справедливости.

Предателем не считаю себя не только потому, что злоупотреблял оказанным мне доверием единственно, чтобы спасти жизнь тех, кого имел все основания считать достойнейшими русскими людьми, но и оттого еще, что совершая это «бесстыдное разглашение судебной тайны», как выражается Керенский в своей книге «Дело Корнилова»²⁴, я не только не преследовал каких-либо личных выгод, но все время жил под страхом быть обличенным и подвергнутым суду, быть может, более жестокому, чем тот, от которого я стремился избавить других.

И теперь, по прошествии многих лет, я ни как человек, ни как юрист не испытываю никаких угрызений совести, и потому считал бы себя вправе в подготавли-

^а В документе слово «законными» написано прописными буквами.

ваемом труде обойтись без покаяния и вовсе не оглашать всех этих данных, к тому же не имеющих прямого отношения к делу. Но меня смущает то, что Керенский, которому, как это видно из вышеназванной его книги, известно, кто именно выдавал Вам «судебные тайны», сможет опорочить всю мою работу одной только ссылкой на то, что она сделана человеком, пристрастность и недобросовестность которого в достаточной степени устанавливаются одним фактом подпольной передачи вверенных ему документов защитникам той стороны, обследование преступной деятельности которой было ему поручено с полным доверием.

Если к такому мнению Керенского присоединится и пользующийся безупречной репутацией И.С. Шабловский, то у читателя действительно может создаться убеждение, что мое умолчание продиктовано стремлением скрыть собственные беззакония при готовности обвинять в нарушениях закона других.

Вот те мысли, которые, вызывая во мне сомнения, побуждают искать Вашего совета.

Прежде и важнее всего было бы услышать Ваше мнение о том, умолчать, или огласить как факт передачи мною Вам через К.В. Николаевского следственного материала и вообще всех вышеприведенных обстоятельств лично моего поведения.

Очень хочется предложить и другой вопрос:

Разработка корниловского материала единственно с целью освещения ролей Керенского и других действующих лиц представляется мне мало интересной. С моей точки зрения, корниловское движение было лишь последним актом той борьбы между «цензово́й» Россией и не желавшим воевать вооруженным народом, которая ошибочно определяется как «народная революция». Тут желаемое принято за сущее.

Не революцией, в смысле насильственного осуществления назревших насущных неотложных народных потребностей, было событие 27-го февраля, а военным мятежом, вызванным катастрофичностью войны и усталостью от нее многомиллионных солдатских масс. Специфическими особенностями военного бунта и определялись все развитие и весь характер последующих событий.

Само собою разумеется, что обоснование такого взгляда является задачей весьма широкой, требующей глубокого и тщательного изучения источников, а, следовательно, многомесячного отказа от заработка. И вот мне хочется откровенно спросить Вас, окупятся ли затраченный труд и неизбежные материальные лишения тем общественным интересом, который может представлять задуманная работа, ее, так сказать, нужностью и полезностью.

Далее я был бы Вам весьма признателен за предоставление мне во временное пользование не возвращенных К.В. Николаевским копий протоколов или, если они не вывезены, то за указание возможно ли и где раздобыть номера «Общего дела» или других газет и журналов, напечатавших показания Савинкова²⁵, Филоненко, кн. Трубецкого, Зарудного²⁶ и др.

Наконец, последняя просьба – это получить Ваше согласие на передачу Вам или кому Вы укажете всего хранящегося у меня подлинного^a следственного материала по делу генералов Юго-Западного фронта в том случае, если бы и для меня чужбина стала не временным убежищем, а местом вечного покоя.

^a В документе слово «подлинного» написано прописными буквами.

Зная Вас по многолетней общественной деятельности, позволяю себе надеяться, что Вы извините причиняемое настоящим письмом беспокойство и не захотите отказать в ответе на него.

Надеюсь, что это еще и потому, что обращение к Вам продиктовано не личными выгодами, я их не ожидаю, а теми интересами, которые одиннадцать лет тому назад дали созданному Вами органу название «Общее дело».

Примите уверение в глубоком уважении.

Р.[S.] Справку о моей личности, кроме К.В. Николаевского и П.И. Финисова²⁷, [может дать^а] мой знакомый Н.И. Нехорошев.

BAR.R.R. Raupakh collection. Box 1. Машинописная копия.

№ 2

Предписание военного комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданского полевому военному прокурору фронта С.А. Батого

Военный комиссар
Временного правительства
при армиях
Юго-Западного фронта
Отделение первое
«30» августа 1917 г.

№ 1423

Д[ействующая] армия²⁸

Полевому военному прокурору Юго-Западного фронта

Предлагаю Вам произвести Вашим распоряжением расследование о покушении на государственную измену со стороны главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Деникина, начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Маркова, генерал-квартирмейстера генерал-майора Орлова²⁹, главного начальника снабжений Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Эльснера³⁰, помощника его генерал-лейтенанта Павского³¹, правителя канцелярии его генерал-майора Сергиевского³² и других лиц, кои окажутся причастными.

О лицах, коим поручено будет расследовать, прошу меня уведомить.

Расследование произвести при участии представителя комиссариата и делегата Исполнительного комитета.

Наблюдение при производстве расследования поручаю Вам.

Военный комиссар

Ник. Иорданский

Начальник инспекторского отделения полковник

Асатиани³³

BAR.R.R. Raupakh collection. Box 1. Т. 1. Л. 1–1об. Подлинник. Машинопись.

^а Текст утрачен.

№ 3

**Протокол допроса главнокомандующего армиями
Юго-Западного фронта генерала А.И. Деникина³⁴**

Протокол

31 августа 1917 года комиссия в составе председателя военного судьи полковника Франка, членов: помощника военного комиссара В.А. Костицына³⁵, подполковника Шестоперова³⁶, прапорщика Удальцова³⁷, фейерверкера Левенберга³⁸ в присутствии полевого военного прокурора генерал-лейтенанта Батога допрашивала нижепоименованного в качестве обвиняемого:

Я, генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, собственноручно показываю.

1. Считаю и считал, что военная политика Временного правительства гибельна для России, что необходимо реформировать армию и предоставить Верховному главнокомандующему полную мочь. Об этом я заявил членам Вр[еменного] пр[авительст]ва 16 июля.

2. Считаю, что генерал Корнилов при его огромной энергии, боевом опыте, исключительном личном мужестве и бескорыстной любви к Родине может вывести армию из тупика и спасти Россию.

Программа его – реорганизации армии – мне известна и совпадает с моими взглядами. А политическую – он в личной беседе со мной выразил кратко: «Довести Россию в республиканском строе до Учредительного собрания».

Поэтому все мои симпатии как гражданина и человека были на стороне Корнилова, а не Временного правительства.

3. До 27-го августа о кризисе в той форме, в какую он вылился, мне решительно ничего известно не было. Слышал многое: из газет, из разговоров, от разных приезжих и проезжих, даже от члена Вс[ероссийского] с[овета] с[олдатских и] р[абочих] депут[атов], приезжавшего в Бердичев. Особенно усилились всякие тревожные слухи после падения Риги. Наиболее реальная версия: волнения в Петрограде, предстоящее большое выступление большевиков, добровольная реконструкция правительства с Корниловым во главе, с министрами Керенским, Савенко³⁹, Плехановым⁴⁰ и т. д.

4. Телеграмма Лукомского⁴¹ была совершенно неожиданна (№ 6412). В ней я увидел крушение надежд на возрождение армии. И как гражданин и солдат хотел от боли крикнуть на всю Россию, что и сделал телеграммой № 145. В чем никогда не раскаюсь. Заключительная фраза «по этому пути с ним я не пойду» ориентировала Временное правительство в том, что убеждений своих я не изменю и предоставляла ему возможность устранить меня или сделать, что заблагорассудится.

Никакой другой телеграммы от Лукомского я не получал, а № 6406 прочел лишь сегодня (31 августа).

5. Телеграмму свою № 145 я дал нач[альни]ку штаба для передачи. О посылке им своей телегр[аммы] (о согласии со мной) я знал.

6. Я приказал нач[альни]ку штаба прочесть в собрании офицеров телеграмму Лукомского и мой ответ на нее (№ 145) в ночь на 28-е.

7. Ночью с 27 на 28 мне передали по телефону краткое содержание приказа ген[ерала] Корнилова, что он «путем победы клянется довести страну до Учреди-

тельного собрания», приказ я разрешил передать в армии. Как передавать – указаний не давал. Текст приказа прочел утром 28-го.

8. Телеграмму мин[истра]-предс[едателя] № 4163 я получил утром 28-го и приказал передать ее в комиссариат для распубликования^а.

9. О движении войск на Петроград против Вр[еменного] правительства узнал только из газет. Читал «Киевскую мысль» и «Армейский вестник».

10. Не вдаваясь в частности, отдал общее распоряжение о том, чтобы боеспособность фронта не пострадала, чтобы (армия) армии возможно спокойно пережить кризис правительства и чтобы анархические и демагогические призывы не проникали в войска. В частности, в ночь на 28-е приказал: а) усилить окарауливание штаба и патрулирование города, ожидая беспорядков (общее напряженное состояние, приказ бердич[евской] газетки к Варфоломеевской ночи и т. п.; б) закрыть радиотелеграф (это распоряжение, впрочем, по-видимому, не мое, а Ставки^б), поставить под офицерский контроль телеграфы^в; в) ввести цензуру бердичевских газет^г. В частности, предложил комиссариату беседовать по аппарату в присутствии дежурного офицера; это распоряжение относилось решительно ко всем.

11. Вопрос личной охраны меня не интересовал. Слышал часто о ненадежности некоторых штабных команд – просто солдатской дисциплинарной ненадежности, что блестяще подтвердилось арестом главнокомандующего солдатами, не знавшими толком, в чем он виноват. О замене охраны знал. Значения этому не придавал.

12. 1-й Оренб[ургский] полк перевел в Бердичев давно, передав для уездов бывшие здесь две донск[ие] сотни. Исключительно, чтобы иметь под рукой строевую часть на случай беспорядков в городе и районе. Снабзую^д предоставлено было пользоваться оренбуржцами в случае аграрных беспорядков в полосе до одного перехода.

Произвел полку строевой смотр. О политике – ни слова. Тема обращения: дезорганизация армии... нежелание драться... стихийные отступления... Рига... Но есть много частей, верных Родине...^е Почетное место – казачеству... Есть еще порох в пороховницах...

Начальником гарнизона назначил к[оманди]ра 1-го Ор[енбургского] п[ол]ка, как старшего строев[ого] нач[альни]ка. Оказывается, нач[альни]ком гарнизона числился воинский нач[альни]к, но в течение трех недель моего пребывания не являлся, «не зная, что у нас новый главноюз^ж».

13. Опасаясь беспорядков в городе на почве правит[ельственного] кризиса, вызвал было батальон чехословаков, но потом это распоряжение отменил. Ника-

^а На полях карандашный комментарий неустановленного лица, видимо, из следственной комиссии: Где она?

^б Текст в скобках вписан позднее.

^в Чтобы ни одна важная военно-политическая телеграмма не прошла без моего ведома (прим. А.И. Деникина).

^г На полях представителем следствия карандашом проставлена нумерация: 1, 2, 3.

^д Здесь и далее – управление снабжений Юго-Западного фронта.

^е Здесь и далее так в тексте.

^ж Главноюз – Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

ких решительно вызовов, посылок и передвижений войск в связи с 27 августа не делал.

14. Верил в безболезненную, добровольную реконструкцию правительства. Всем сердцем сочувствую мерам возрождения армии, предложенным Корниловым. А против Вр[еменного] пр[авительст]ва, отношение к которому определено высказал в совещании 16 мая, тем не менее, активно не выступал.

И когда нач[альни]к штаба во время переговоров с чинами комисс[ариата] и комит[ета] 28-го обратился ко мне, я сказал: «Я свое убеждение высказал, пусть запросят Вр[еменное] пр[авительст]во – пусть оно что хочет, то с нами делает».

Дополнительно показываю, что^а:

15. Лента, переданная комиссаром Иорданским полк[овни]ку Асатиани в ночь на 28-е, была мне показана. Но так как в ней говорилось о вступлении в верх[овное] командование Клембовского⁴² и так как комиссар Иорданский должен был приехать в 4 ч. ут[ра] 28-го, я предложил подождать его и с ним лично по этому вопросу переговорить.

16. О задержании или аресте комиссара никакого распоряжения ни я, ни кто другой не отдавал.

В пункте 8-м я указываю номер 4163 предположительно, взяв его из телегр[аммы] Корнилова (начальная ссылка).

В пункте 7-м я имею в виду телеграмму ген[ерала] Корнилова № 653.

Надписано: «*Это распоряжение, впрочем, по-видимому, не мое, а Ставки*».

Генерал-лейтенант

Деникин

Военный судья полковник

Франк

Пом[ощник] комиссара Ю[го]-З[ападного] фр[онта]

Костицын

Нач[альник] отделения комиссарюза^б подполк[овник]

Шестоперов

Полевой военный прокурор ген[ерал]-лейт[енант]

Батог

Член исполнит[ельного] к[омите]та Ю[го]-З[ападного] фр[онта]

прапорщик

Удальцов

ВАР. R.R. Raupakh collection. Вох 1. Т. 1. Л. 46–50об. Подлинник. Автограф.

№ 4

Протокол допроса начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала С.Л. Маркова

Протокол

31 августа 1917 года комиссия в составе военного судьи полковника Франка, помощника комиссара Костицына, прапорщика Удальцова и фейерверкера Ле-

^а Дописано позднее черными чернилами. Основная часть документа написана синими чернилами.

^б Комиссарюз – Комиссариат Юго-Западного фронта.

венберга, в присутствии полевого военного прокурора генерал-лейтенанта Батога, допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля.

Я, бывший начальник штаба Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков, 39 лет от роду, православный на поставленные мне вопросы отвечаю следующее:

1) До 27-го августа я, во-первых, не предполагал возможности смещения генерала Корнилова, а, во-вторых, ничего не знал, что при отрешении его от должности Верховного он выступит против Временного правительства. Мне наоборот давно были известны его хорошие отношения к А.Ф. Керенскому и к Б.В. Савинкову, которые, как я думал, вполне поддерживают все начинания г[енерала] Корнилова, и я твердо верил, что эти три лица пойдут по пути укрепления армии. Я знал, что программа, предложенная г[енералом] Корниловым, утверждена и ждал обнародования таковой, но, вместе с тем, понимал, что объявление этой программы может вызвать энергичный протест большевиков.

2) Телеграмма Лукомского № 6412 была получена еще засветло 27-го августа нормальным порядком из Ставки.

3) Телеграмма за подписью Корнилова была получена уже вечером после нашего ужина. Было приказано передать ее старшим начальствующим лицам. Согласно общему порядку она пошла в набор и корректуру, я приказал прислать мне. Утром 28-го я, получив эту корректуру, оставил ее у себя, а подлинную, кажется, приказал сжечь. Дальнейшего распространения эта телеграмма не получила.

Что касается понимания мною телеграммы г[енерала] Корнилова, то первая половина, являясь ответом на неизвестную мне телеграмму А.Ф. Керенского, мне неясна до сих пор. Я ожидал взаимной поддержки, а не отрицательных отношений друг к другу министра-председателя и Главковерха.

Обвинение в предательстве считаю не в буквальном смысле, а в переносном, т. е. что дальнейшие мероприятия в армии, направленные не по программе, предложенной Корниловым, будут на руку немцам.

Слова «выступить открыто» для меня совершенно не ясны. Умереть «на поле чести и брани» я понимаю в единственно доступном смысле – быть убитым в бою с нашими противниками, т. е. Германией, Австрией и т. д.

4) Ответ г[енерала] Деникина и мой были вызваны телеграммой г[енерала] Лукомского № 6412 и написаны еще до получения телеграммы г[енерала] Корнилова. Конец телеграммы г[енерала] Деникина логически вытекает из всех заявлений г[енерала] Деникина, сделанных им еще раньше. 16-го июля на известном заседании в Ставке г[енерал] Деникин прямо заявил, какой путь, по его мнению, должен быть намечен для укрепления армии и в ответ на его, быть может, резкую речь, но искреннюю и открытую, министр-председатель поблагодарил его и сказал, что Западный фронт он считает в надежных руках. 15-го июля я лично писал А.Ф. Керенскому о том же (копия письма была у меня в столе⁴³) и тоже получил благодарность. Из телеграммы г[енерала] Лукомского вытекало, что программа Корнилова не пройдет, при этих условиях долгом совести оставалось сказать военмину^а, что по иному пути мы работать не можем и ждать затем приказа об нашем удалении.

^а Здесь и далее: военному министру.

5) Ежедневно, около 10 ч[асов] вечера, в оперативном отделении штаба я собирал офицеров для доклада и текущих указаний. То же было и 27-го, но, кажется, несколько позднее. К бывшим на этих докладах раньше я добавил еще 6–7 человек генер[ал]-кварт[ирмейстерской] части (фамилии не знаю), дабы прочесть им телеграммы г[енерала] Лукомского № 6412, наши к военмину и Корнилова^а, а равно об отказе других главнокомандующих занять пост Верховного. Последнее нетвердо помню. Отдельных своих фраз не помню, но после прочтения говорил о наступившем, по-видимому, хаосе в Петрограде должно быть в связи с ожидавшимся выступлением большевиков и указал на необходимость с нашей стороны предохранить войска фронта от развала, для чего надо принять все меры и, пока не выяснится что-либо определенное, не питать войска разноречивыми слухами. Для этого устанавливалась предварительная цензура издаваемых в Бердичеве газет, усиленный наряд на телефонных и телеграфных станциях, а также город окружался постами.

К прапорщику, о котором меня спрашивали, я подходил и, насколько помню, спросил, согласен ли он со мной, на что получил утвердительный ответ.

Никаких дебатов при мне не было, и я скоро ушел в кабинет генерал-квартирмейстера, где по обыкновению подписал несколько текущих телеграмм.

Генер[ал]-квартир[мейстер], знавший уже содержание телеграмм, подошел, если не ошибаюсь, к концу разговора.

6) Разговор о том, что телеграмма министра-председателя пришла без номера и могла быть послана помимо его или под давлением выступлений в Петрограде большевиков, был, но когда и с кем, не помню.

7) С полковником Лосевым⁴⁴, как начальником гарнизона, я говорил, что в связи с новой катастрофой у Риги и ожидаемым выступлением большевиков в Петрограде возможны крупные беспорядки и волнения, которые могут распространиться на другие города и, в частности, на Бердичев.

Изменение силы и состава караула при штабе было вызвано, в частности, статьей газеты «Свободная мысль» (кажется, от 20 авг[уста]), в которой прямо говорилось о Варфоломеев[ск]ой ночи. Изменение наряда было на этот раз сделано помимо дежурного генерала, я привлек к этому начальника гарнизона и коменданта. Последнему указал на необходимость надежной охраны винного склада, расположенного по соседству с нами.

8) Во исполнение общих распоряжений о полной цензуре всего поступающего в штаб и при разговоре полковн[ика] Ассотияни^б был офицер. Разговор этот полк[овник] Ассотияни показал мне, и я просил задержать его передачу до приезда комиссарюза^в, который ожидался утром 28-го.

Мотивы этой просьбы уже указаны – я считал передачу в армии лишь слухов вредным, а в этом разговоре имелась заведомо ошибочная данная о принятии поста Верховного генер[алом] Клембовским. Полков[ник] Ассотияни согласился

^а Говоря в пункте 5 о том, что мною была прочитана и телеграмма, полученная от г[енерала] Корнилова, я в настоящее время считаю, что ошибся, эта телеграмма прочитана не была, ибо не была еще и получена в штабе (прим. С.Л. Маркова).

^б Здесь и далее правильно – Асатиани.

^в Комиссарюз – Комиссариат Юго-Западного фронта.

со мной. Моя фраза, сказанная пол[ковником] Ассотияни, что я не завидую ему, вытекала из изложенного выше, он видел, что переданное ему не вполне отвечает истинному положению дела, соглашался с моими доводами и, вместе с тем, получил распоряжение передать этот разговор по аппарату дальше.

9) Казачий полк был вызван в Бердичев задолго до 27-го авг[уста]; его назначение поддерживать порядок как в Бердичеве, так и в уезде. Бывшей в распоряжении снабоза 6 Донск[ой] дивизии не хватало. Постоянно беспорядки в тыловом районе фронта на почве реквизиций для армий требовали увеличения наряда.

10) 28-го утро, вместо обычной $\frac{1}{2}$ сотни, я приказал иметь при штабе сотню, возложив на нее и обкарауливание винного склада. Когда 28-го утром мною было получено известие о начавшихся волнениях на Лысой горе в автомобильной команде, я приказал направить туда еще одну сотню и сделал распоряжение послать туда же офицера для переговоров, дабы успокоить волнение без крутых мер.

Вскоре мне стало известно, что на Лысой горе пущен слух о желании штаба фронта восстановить Николая II и что к штабу уже двинулись ординарческий эскадрон, броневики и еще каких-то несколько сот вооруженных солдат. Ввиду этого я разрешил еще одну сотню подвести к управлению генер[ал-]квартирмейстера. Делал все это с единственной целью поддержать порядок и помешать кому бы то ни было нарушить нормальную работу штаба фронта.

Чьим распоряжением были двинуты к штабу все войска, кроме казаков, я не знаю.

11) В ночь с 27 на 28 я с членами искомитюза^а не разговаривал, считая, что чем меньше распространятся события, тем лучше. Прапорщ[ик] Удальцов, фейер[веркер] Койре⁴⁵ и еще кто-то третий были у меня утром 28 и просили:

а) снять казачьи посты, б) дать разрешение на передачу разговора еще не приехавшего в Бердичев комиссарюза и в) о причинах постановки поста у типографии. По пункту а я обещал отвести казаков по домам, если искомитюз успокоит волнения на Лысой горе и ручается за порядок в городе, по пункту б сказал, что делаю попытки узнать истинное положение дел в Петрограде и тогда дам ответ, и по пункту в объяснил, что имел в виду лишь не допустить печатание каких-либо сведений о текущих событиях, считая, что распространение их в армейской массе может пагубно отразиться на фронте.

Через несколько минут, не добившись по аппарату сведений о Петрограде, я вновь вызвал членов искомитюза, дал согласие на передачу разговора с полковником Ассотияни, сделал распоряжение о снятии поста у типографии и опять просил о поддержании порядка в Бердичеве.

Затем ко мне еще несколько раз приходили члены искомитюза в разном составе, и, [в] частности, тов[арищ] пред[седателя] Колчинский⁴⁶ ввел 4 вооруженных солдата (чему я приказал не мешать, дабы избежать кровопролития) и собирался меня арестовать.

12) О распоряжениях по цензуре всех сведений, передаваемых в штаб и из штаба, ровно о мотивах этих распоряжений я уже говорил. Пользование радио считал совершенно недопустимым, ибо все передаваемое нами перехватывается и противником, на что и указал тов[арищу] пред[седателя] искомитюза Колчинско-

^а Искомитюз – Исполнительный комитет Юго-Западного фронта.

му, узнав, что какая-то телеграмма была передана этим путем. Телеграмма генкварверха^а о цензуре у меня в руках, насколько я помню, не была. Практического значения она не имела, ибо полученная в штабе 28-го авг[уста] единственная телеграмма за подписью «Керенский» мною тогда же была передана члену искомитюза доктору Торбеку⁴⁷, или фейер[веркеру] Койре. Другая телеграмма генкварверха, полученная 29-го о возможности соглашения движения тоже не получила и тоже была показана дежурному у меня члену искомитюза.

13) Распоряжение о вызове 1-го Чешского полка было сделано 27-го августа. Его назначение – исключительно охрана штаба и главкоюза, другого назначения он и не мог получить, ибо в их постановлениях прямо говорится, что ни в каких усмирениях волнений в русских войсках они участия не принимают. Утром 28-го, видя, что прибытие Чешского полка лишь усилит брожение в Бердичеве, я по собственному почину приостановил посадку и отправку его.

Перевозка 81-й пех[отной] дивизии, ½ эскад[рона] польских улан и управления 45-го корпуса являлась продолжением давно начатой перевозки войск с нашего фронта на Северный и преследовала лишь стратегические цели.

Никаких других перебросок войск, не оправдываемых стратегической необходимостью, штабом не проводилось.

Подписано «спросил» и «управления 45-го корпуса».

Генерал-лейтенант

Марков

На дополнительные вопросы показываю:

Непосредственно подполк[овнику] Кельчевскому⁴⁸ не покидать полковника Ассотияни я приказания не отдавал, но общие указания о цензуре и контроле всего мною (как я уже сказал выше) были даны, ввиду этого, вероятно, при полк[овнике] Ассотияни и находился подп[олковник] Кельчевский. В ночь на 28-е авг[уста] ни комиссарюза, ни его помощников в Бердичеве не было; полковник Ассотияни лично для меня являлся лишь офицером, служащим в комиссариате всего несколько дней и до 29-го авг[уста] не утвержденным никакими известными мне приказами или телеграммами. Перевод его в комиссариат из корпуса, находящегося на другом фронте, не состоялся, кажется, и до сих пор. Никакого уведомления от комиссарюза или его помощников о вступлении во вр[еменное] исполнение должности комиссарюза полк[овника] Ассотияни я не получал.

Ввиду этого я считал присутствие офицера штаба при разговоре полк[овника] Ассотияни по аппарату и сопровождение этим же офицером полк[овника] Ассотияни из упр[авления] генер[ал-]квар[тирмейстера] ко мне с разговорной лентой, не выходящим из рамок общих распоряжений по цензуре и контролю. Во всяком случае, еще до разговора со мной полк[овника] Ассотияни, подполк[овник] Кельчевский, явившийся ко мне несколько раньше, был отпущен в управление. Доклад подполк[овника] Кельчевского о полной корректности полк[овника] Ассотияни и излишности его задержания я вспоминаю и ставлю это в зависимость с предположением, бывшим, по-видимому, раньше (что я как следует не помню) о возможности появления полк[овника] Ассотияни в управлении генер[ал-]квар[тирмейстера] с целой толпой. Полагаю, что и полк[овник] Ассотияни под-

^а Здесь и далее – генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего.

твердит, что весь мой разговор с ним не носил характер угрожающего ему личным задержанием. Мы лишь условились, что он будет ждать приезда комиссарюза, после чего он, захватив с собой ленту разговора, ушел домой.

Повторяю, что все мои действия преследовали цель не позволить широкому распространению в армиях сведений ошибочных, непроверенных и способных вредно отразиться на войсках фронта. Разговор же комиссарюза из Киева в основной своей части оказался не оправдавшимся впоследствии (Верховный г[лавногокомандующий] Клембовский и Директория).

До получения 28-го телеграммы за подписью «Керенский» факт изменения верховного командования для меня не был определен; без Главковерха я не представлял себе армии, никаких извещений о вступлении в должность от нового Верховного и штаба не было получено. С получением же уже упомянутой единственной телеграммы А.Ф. Керенского 28-го числа никаких попыток поддержать г[енерала] Корнилова и, тем более, направленных против Временного правительства, штабом фронта не делалось.

В равной мере никаких личных задержаний и арестов за все это время тоже не было произведено, что явилось бы неизбежным и логически необходимыми, если бы штаб фронта знал и решил поддерживать мятежное выступление г[енерала] Корнилова против Временного правительства.

Что касается моей фразы, сказанной вечером 27-го в оперативном отделении относительно постановки точки над і, то таковая имела прямую связь с моей личной карьерой: своей телеграммой на имя военмина я открыто заявил, что считаю мою дальнейшую службу, если порядки в армии не изменятся, бесполезной. При создавшихся условиях я не мог об этом молчать и продолжать занимать должность наштаюз^а, получая большое вознаграждение и не принося той пользы делу, каковая должна приноситься каждым, работающим в обстановке ему близкой и понятной.

Если мне был задан вопрос на том же собрании (чего я точно не помню) «есть ли на что опереться Корнилову», и я ответил «да есть», то мой ответ базировался на симпатиях к г[енералу] Корнилову известных слоев общества России, на устроенной ему торжественной встрече на вокзале в Москве, на приеме в Московском заседании⁴⁹ и на тех заявлениях, о которых все знают из газет.

Членом союзов офицеров и георгиевских кавалеров я был, деньги платил, кажется, раз пять ввиду переезда из города в город.

Активно выступал раз в Минске, подписав телеграмму, порицающую группу офицеров Генерального штаба, обратившихся к военмину с различными корпоративными нуждами.

Говоря о возможности выступления большевиков и ожидая таковое, я делал это на основании суммы сведений, полученных мною, как наштаузом, от ряда отдельных лиц, приезжающих из разных городов России, из донесений и сообщений о пропаганде в частях на фронте и в тылу и, наконец, из газет, вырезки каковых мне ежедневно представлялись.

^а Наштаюз – начальник штаба Юго-Западного фронта.

Все вместе взятое рисовало определенную картину полной вероятности повторения событий 3-го и 4-го июля⁵⁰, особенно после взятия Риги⁵¹, но лишь в большем масштабе.

Еще недавно, 26-го или днем 27-го, здесь в Бердичеве был митинг, на котором, между прочим, выступала женщина, еврейка, пользовавшаяся наибольшим одобрением аудитории, с лозунгами крайнего большевизма. Ее речь порицала все существующее и была как типична по содержанию, так и характерна по горячему приему, особенно среди солдат.

По своему бывшему служебному положению второго генкварверха я одним из первых узнал о связи Ленина и еще некоторых лиц с германским правительством и с тех пор составил себе определенный взгляд на это движение в России.

Надписано: «захватив», «собой», «направленных», «единственный», «знал».

Генерал-лейтенант

Марков

Полковник

Франк

Член исполнит[ельного] ком[итета] Ю[го-]З[ападного] ф[ронта] *Левенберг*

Пом[ощник] комиссара Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]

Костицын

Полевой военный прокурор ген[ерал]-лейт[енант]

Батог

Член Исполнит[ельного] к[омите]та Ю[го-]З[ападного] фронта прап[орщик]

Удальцов

Продолжение показаний генерала Маркова:

Я, бывший начальник штаба Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков, 39 лет, православный, дополнительно показываю:

Телеграмма г[енерала] Корнилова была вечером 27-го августа передана по аппарату, т. е. секретным порядком, старшим начальствующим лицам фронта, далее она поступила в дежурство для напечатания вместе с другой телеграммой г[енерала] Корнилова (благодарность Верховного офицерам). В виде исключения я потребовал корректуру первой телеграммы к себе. Для этого я имел в виду, конечно, не проверку орфографии дежурного генерала, а следующее: что делалось в Петрограде я не знал, слова телеграммы, направленные против А.Ф. Керенского, для меня были совершенно непонятными, приняв же за основание своих действий, передавать в широкие войсковые массы лишь то, что не внесет в их ряды смуту и брожение, я решил до получения каких-либо сведений, приказаний, указаний от военмина или разъяснений из Ставки передачу этой телеграммы в войска задержать. Представление мне корректуры задержало как напечатание, так и рассылку телеграммы без моих новых распоряжений. Когда утром 28-го мне была прислана корректура, а обстановка все еще оставалась невыясненной, я решил корректуру оставить у себя, распространение телеграммы не допускать и, не желая, чтобы в дежурстве оставался хотя бы след этой телеграммы, приказал сжечь ту, с которой делался набор. Служебного преступления я в этом не видел, ибо документом является подлинная телеграмма, подписанная г[енералом] Корниловым, она в штаб, конечно, не попала, а как текст она сохранилась и в корректурном оттиске, и в телеграммах, посланных командармам.

Напечатанный уже приказ с благодарственной телеграммой Главковерха офицерам я тоже не дал на подпись г[енералу] Деникину, т. к. считал и рассылку его не отвечающей обстановке.

Приход вечером 27-го в аппаратную, что в помещении главноюза, подполк[овника] Румянцева с запечатанным конвертом я припоминаю, но что было в этом конверте, не помню. Во всяком случае, если это было сообщение о текущих событиях, то, наверно, совершенно неопределенное, ибо я так до конца не добился, что делается в тылу и каковы отношения Ставки к Петрограду.

Относительно того, что подотделом Союза офицеров посылается какая-то телеграмма, я мельком слышал, но от кого, кому посылается и какая (текст) ничего не знал.

Перевозка войск с нашего фронта на другие, сначала [на] Румынский, затем [на] Северный началась еще до событий на Двине. Как наштаюз я не мог быть довольным ослаблением нашего фронта, особенно ввиду намеченной в сентябре активной операции, как подчиненный я должен был лишь исполнять приказания, являясь только передаточной инстанцией. Куда направлялись «Дикая» дивизия, 1 пехотная, 122 (кажется), 81-я, Корниловский ударный полк, дивизии 3-го конного корпуса, 16-я кавалер[ийская], меня как наштаюза интересовало мало.

Моя задача сводилась лишь к своевременной погрузке, перегруппировке остающихся войск на фронте и перевозке отправляемых в районе ж[елезных] дорог фронта. Все это делалось совершенно нормальным путем, и, конечно, я ни минуты не думал, чтобы переброска Главковерхом почти двух конных корпусов могла быть тайной от Вр[емennого] правительства. Это знали сотни лиц, не могло не знать и Вр[емennое] правительство. Да, если память мне не изменяет, даже в газетах что-то было об этих перевозках.

Сообщенные Ставкой пункты перевозок – Дно, Иеве и другие тоже ничего не говорили особенного.

При настоящих условиях слабости сопротивления у нас на фронте стратегическую конницу лучше иметь в глубоком тылу, направляя ее уже оттуда, куда потребуется. Будучи расположенной близ фронта и конница могла попасть в заразительный панический поток бегущих войск. Кто же при этих условиях задержал бы противника на более глубоких тыловых позициях и дал бы возможность и время устроиться своим корпусам?

С другой стороны, угроза и слухи о десанте немцев, кто мог его парировать, как неглубокие резервы?

Не помню точно относительного Корниловского ударного полка, но по отношению к «Дикой» дивизии штаюз прямо имел указания, что она передается Северному фронту.

Что касается Корниловского полка, то у меня лично сложилось мнение, что он вместе с другими частями предназначается для переброски к Нарве, дабы закрыть все пути, ведущие вдоль южного берега Финского залива на Петроград.

Наконец, за несколько дней до 27-го августа штабом фронта были получены сведения о формировании новой, отдельной, Петроградской армии, в которую, как я предполагал, кроме взятых у нас частей, войдет и гарнизон Петрограда.

Я знал, что уже назначенный начальником штаба этой армии генер[ал] Дидерихс⁵² выехал в Главное упр[авление] Генер[ального] штаба в Петроград; от меня потребовали командирования одного из офицеров штаюза в Петроград же на должность генерал-квартирмейстера этой новой армии. Так рисовалась для меня вся обстановка группировки войск в тыловом районе Северного фронта, и в этих

действиях г[енерала] Корнилова я не мог предполагать чего-либо, направленного против Временного правительства^а.

Генерал-лейтенант

Марков

Член Исполнит[ельного] к[омите]та Ю[го-]З[ападного] фронта прап[орщик]

Удальцов

Член исполнит[ельного] ком[итета] Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]

Левенберг

Пом[ощник] комиссара Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]

Костицын

BAR.R.R. Raupakh collection. Box 1. T. 1. L. 51–57. Подлинник. Автограф.

№ 5

Протокол допроса и.д. начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта подполковника Е.А. Кельчевского

Протокол

31 августа 1917 г. комиссия в составе председателя, военного судьи полковника Франка, членов: помощника военного комиссара В.А. Костицына, прапорщика Удальцова, подполковника Шестоперова, фейерверкера Левенберга в присутствии военно-полевого прокурора генерал-лейтенанта Батога допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля:

Евгений Анатольевич Кельчевский, Генер[ального] штаба подполковник, и.д. начальника общего отделения упр[авления] г[енерал]-кв[артирмейстера].

Показание написано собственноручно.

До события 28 августа обнаруживалось только одно: контры между генералами Марковым и Деникиным, с одной стороны, и комиссариатом и Ис[полнительным] комитетом, с другой стороны, выражавшиеся в частях взаимных уколах. Отношение к этому штаба и мое личное было скорее юмористическое. Все объяснялось излишним задором генерала Маркова и многими не одобрялось.

Попутно ходили слухи о том, что озлобление против генералов Маркова и Деникина растет и что необходимы меры для их охраны от возможных эксцессов. С этой точки зрения прибытие казачьего полка для охраны считалось желательным, особенно когда пошли слухи о «Варфоломеевской ночи».

Я, как нач[альник] общего отделения, ведал нарядами ординарцев и связью. Распоряжения об охране здания упр[авления] ген[ерал]-кварт[ирмейстера] передавались через меня. Казачий полк, прибывший как охрана и назначенный в подчинение генерал-квартирмейстеру, попал в смысле охраны здания и несения дежурства как бы под мое начало; я сносился по приказанию ген[ерал]-квартирмейстера с комендантом о расквартировании полка, об устройстве комнаты для дежурного офицера и т. д.

Командир каз[ачьего] полка, видимо, сам понимал свое назначение именно как охрану, хотя предавался этому делу не особенно рьяно, больше заботясь о хозяйственном быте полка.

^а Зачеркнуто: «в Петрограде».

Ничто не указывало на какие бы то ни было боевые приготовления и никаких особых распоряжений не делалось.

23–26 августа я находился в командировке в Киеве по вопросу о реорганизации нашего военного киевского телеграфа с правом съездить на день домой в Полтавскую губернию. О реорганизации телеграфа на предмет более прочного соблюдения военной тайны мною уже подан доклад генералу Огородникову⁵³.

До вечера 28 августа я не только не знал и не слышал ничего по поводу возможного выступления Корнилова, но и не мог предполагать подобного затем.

От оперативной части я стоял далеко и об образовании какой-то особой «Корниловской армии» тоже не имел понятия. Полагаю и сейчас, что каких-либо планомерных соображений по этому поводу не делалось, а просто под разными предложениями собирались к Северному фронту конные части.

Думаю, что при наличии более обдуманных замыслов генерал Корнилов не обставил бы свое выступление так убого с военной точки зрения.

Из моих разговоров с офицерами штаба я не мог вывести, чтобы кто-нибудь до 28 августа был посвящен в какой-либо заговор.

Перехожу к событиям 28 августа^a.

В 6 ч. вечера меня позвал генерал Марков (обыкновенно он передавал мне распоряжения по делам моего отделения через ген[ерал-]кварт[ирмейстера]) в свое помещение. Я застал его крайне взволнованным с какою-то телеграммой в руках.

– «Вы знаете, какую я получил сейчас телеграмму?» – спросил он меня, приглашая сесть.

– «Не знаю», – ответил я, крайне удивленный и заинтересованный его чрезвычайным волнением.

– «Ну и хорошо, что не знаете. Позовите мне дежурного офицера Ген[ерального] штаба с шифром».

Я ушел, так и не узнав, в чем дело и полагая, что его и Деникина отчислили от должностей. Деж[урным] Ген[ерального] штаба был шт[абс-]к[апитан] Эльснер⁵⁴, который и отправился с шифром к ген[ералу] Маркову.

Вечером, когда я спросил его о содержании телеграммы, он ответил, что шифровать ничего не пришлось, и он был отправлен обратно.

Я лично несколько далек от офицеров Генер[ального] штаба в силу сложившихся отношений; я и мой бывший нач[альник] отделения полковник Долинский⁵⁵ держались в стороне со всем составом общего отделения и симпатиями не пользовались. Последнее время внешние отношения были приличные.

Итак, вечером 28 августа создалось впечатление, что Деникина и Маркова смещают. Говорю про себя и офицеров моего отделения.

В 11 ч. вечера приказано было всем наличным офицерам штаба собраться в оперативном отделении.

Я несколько запоздал и, когда вошел в оперативное отделение, застал там генерала Маркова, генералов Орлова, Дзевановского⁵⁶, Волкова⁵⁷ и почти весь состав управления ген[ерал-]кварт[ирмейстера]. Многие опоздали; вызывали во-

^a Исправлено карандашом: «27».

обще всех офицеров штаба по телефонам, и если бы разговор в отделении произошел через час, то и были бы все.

Я, войдя последним, сел у дверей и не совсем ясно слышал речь Маркова, так как говорил он тихо и был взволнован.

Сначала он прочел три телеграммы: первую – Лукомского о том, что Корнилов получил телеграмму мин[истра]-предс[едателя] Керенского, без номера, с приказанием сдать Верховное командование ему, Лукомскому, что он, Лукомский, «до полного выяснения обстановки» командование не принимает, а Корнилов не сдает; вторую телеграмму Деникина, начинавшуюся словами: «Я солдат» и оканчивающуюся словами «по этому пути я за Вр[еменным] правительством не пойду.», и третью телеграмму самого Маркова, где он объявляет свою солидарность с ген[ералом] Деникиным.

К этому Марков добавил:

– «Я лично своей телеграммой ставлю точку над *i*; как поступит каждый из Вас – дело совести каждого». Многие были в недоумении и стали задавать вопросы: Что же все это означает? В чем выразится роль Корнилова [?]? Не помню точно за общим разговором ответы Маркова; в общем выяснилось, что Корнилов принимает всю власть на себя.

Но телеграммы еще не указывали на это прямо, из них виден был только возникший между Корниловым и Керенским конфликт, реальное выражение которого оставалось неизвестным, и могли показать только дальнейшие телеграммы.

Кто-то спросил: «Опирается ли на что-нибудь Корнилов [?]?». Марков ответил односложно: «Да, опирается».

Из всего этого невозможно было составить себе ясного представления, что произошло.

Отказ Корнилова повиноваться телеграмме Керенского (без номера, как было сказано в телеграмме Лукомского) был налицо.

Отказ «до выяснения обстановки». Какой? – Неизвестно.

О том, что Корнилов решил оказать вооруженное сопротивление Керенскому – тоже не из чего нельзя было заключить. Сказано было только, что ему «есть на что опереться».

Затем начались распоряжения. Мне, как нач[альнику] связи, приказано было передать все три телеграммы во все армии, вызвав генерал-квартирмейстеров и взяв в помощь четырех офицеров Ген[ерального] штаба.

Я обратился к Колосовскому⁵⁸, но он сказал, что ему некогда, что меня отчасти рассердило тем, что мне придется самому выполнять всю эту запутанную историю с телеграммами. Я попросил мне помочь Эльснера и, отправившись с ним на телеграф, поручил ему и офицерам связи (дежурящим по телеграфу) вызывать ген[ерал-]квартирмейстеров армий и передавать им телеграммы. Сам я остался на аппарате, стараясь отдать себе отчет в происходящем, и будучи определенно недовольным начавшейся «историей», главным образом потому, что она окружена какими-то недомолвками и таинственностью, указывавшими, что вопрос не исчерпывается тем, что написано в телеграммах.

Через час или два меня вызвал к себе ген[ерал] Орлов и приказал установить цензуру на городской тел[еграфной] станции. Забыл упомянуть, что до этого мне приказано было вызвать всех офицеров связи для установления цензуры на на-

шем телеграфе. Цель цензуры: «Не допускать в армии какого-либо воззвания к восстанию», которое может исходить из искомитюза, из Киева и т. д. На городскую станцию и послал шт[абс-]капит[ана] Гилевича с одним из офицеров ординарческого эскадрона, фамилию которого не помню. Ген[ерал-]кварт[ирмейстер] приказывал нарядить им в помощь казаков, на что я возражал, что довольно двух-трех посыльных, чтобы не оскорблять тел[еграфных] чиновников каким-то усиленным надзором.

В то же время пришли две телеграммы из Ставки с приказанием генкварверх закрыть все радиостанции и взять под контроль городские телеграфы; я с доклада ген[ерал-]кварт[ирмейстеру] на тех же телеграммах проставил адреса армий и свою подпись как начсвязи, и распоряжения пошли в армии.

Я же по приказанию ген[ерал-]кварт[ирмейстера] вызвал по телефону заведующего радиотелеграфом подп[олковника] Олейникова⁵⁹, которому, по приезде его в штаб, было приказано закрыть нашу радиостанцию.

Одновременно другие офицеры получили распоряжения: 1) подполковник Арнольд⁶⁰ о задержании автомобилей, капитан Коновалов⁶¹ – об осмотре типографий газет и т. д. Всем им давались казаки для этих целей.

Приказаний самых бестолковых, непонятных и противоречивых отдавалось столько, что и я, и другие офицеры сбились с ног. Одно оставалось неясным – во имя какого общего плана это делается.

Вскоре деж[урный] офицер доложил ген[ерал-]кварт[ирмейстеру] о том, что комиссар фронта вызывает из Киева к аппарату полковника Асатиани, ген[ерал-]кварт[ирмейстер] призвал меня и приказал приготовить казаков на случай, если полк[овник] Асатиани явится «с целой толпой», присутствовать при разговоре полковника по телеграфу и, если содержание ленты будет клонить к «приказаниям, враждебным распоряжениям Ставки и Корнилова», полковника арестовать.

Встретив полк[овника] Асатиани, я сказал ему, что получил приказание присутствовать при его разговоре и посвятил его в то, что мне было известно о происходящем.

Во время разговора полк[овника] Асатиани я не считал удобным заглядывать в ленту, а ходил по аппаратной; показал ему тут же подлинную телеграмму Корнилова и спросил, не откажет ли он после разговора зайти к ген[ерал-]квартирмейстеру лично и переговорить с ним о дальнейших действиях. Полк[овник] Асатиани согласился.

Когда он кончил разговор, я попросил его показать мне ленту, пробежал ее, возвратил ему обратно, и мы вместе направились к генералу Орлову. Последнему я, войдя вперед, доложил содержание ленты и доложил о том, что полк[овник] Асатиани настолько корректен, что нет смысла его арестовать, а лучше обсудить положение вместе и уговориться о дальнейших действиях. Ген[ерал-]кварт[ирмейстер] попросил меня выйти, а сам, видимо, снач[альником] штаба по телефону. Затем он вышел и предложил полк[овнику] Асатиани в сопровождении меня отправиться к ген[ералу] Маркову.

Видимо, генералу Орлову так же, как и мне, не хотелось прибегать к каким-либо полицейским мерам, что, по-моему, не в его характере.

Придя к ген[ералу] Маркову, я доложил ему вкратце содержание ленты и все то же, что говорил генералу Орлову.

После этого я вновь вернулся на телеграф. Вскоре туда вернулся полк[овник] Асатиани, получивший разрешение на разговор. Приходили телеграммы, которые уже ясно вырисовывали обстановку. Полковнику Асатиани я определенно высказал свое отношение к происходящим событиям, не скрывая его и от офицеров своего отделения.

На утро я был вызван ген[ерал-]кварт[ирмейстером] и получил приказание взять сотню и «арестовать зачинщиков» автомоб[ильной] команды, которая отказалась высылать машины по требованию штаба.

От этой миссии я отказался, отказался также послать для этой цели другого офицера.

– «Если прикажете, я пойду один уговаривать команду дать машины, но без сотни», – доложил я, и, в конце концов, после переговоров с нач[альником] штаба распоряжение было отдано.

Через полчаса пришло известие, что солдаты на Лысой горе разоружают какую-то команду чехов.

Ген[ерал-]кварт[ирмейстер] приказал мне послать Клецанду⁶² к чехам увести их с Лысой горы сюда; приказание это я передал поручику Клецанда.

Вскоре стали приходить тревожные известия с Лысой горы о вооружении солдат и попутно стали отдаваться распоряжения о вызове к штабу казаков уже с чисто оборонительной целью.

Распоряжения о вызове в Бердичев чешско-словацкого полка из (не помню места его стоянки) делались по оперативному отделению.

Должен сказать, что многие офицеры штаба относились неодобрительно к замыслу Корнилова, когда он на утро обрисовался ясно, и ничего хорошего не ожидали от исхода всего этого дела, особенно в случае успеха Корнилова под Петроградом.

Весть о вмешательстве в дело Алексева всеми (по крайней мере, теми, с кем я говорил) встречена как исход из глупейшей истории.

Мое личное мнение: если генералы Деникин и Марков что-либо определенное и знали о замысле Корнилова, то офицеров в него не посвящали. Генерал Орлов по типу человек весьма спокойный и мирный, всякое такое выступление противно его натуре. Виновник события – Корнилов, по слухам во всем находящийся под давлением определенного авантюриста и темной личности Завойко⁶³; Деникин только солдат; его вмешательство во внутреннюю политику странно; думаю, что вопросы государственные ему и не по плечу. Генерал Марков – от природы склонен бросаться в рискованные предприятия, будировать, бороться и т. д. Во всех его действиях всегда значительная доза мальчишества.

Совет офицеров «Союза армии и флота», в котором и я состою пассивным членом путем записи и взноса 7 рублей, – организация совершенно непрочная, не спаянная и ни на какое объединенное действие неспособная, вредная тем, что в самое критическое время отрывает офицеров от солдат.

Я лично по убеждениям сторонник «федеративной республики». Свои взгляды на политическое положение и на меры, которые должны быть приняты для закрепления завоеваний революции и для обеспечения боевой мощи армии, я изложил в записке, поданной мною в марте месяце московским общественным деятелям.

Предлагаемые мною меры, изложенные во всей полноте и реальности, совершенно противоположны корниловским предначертаниям.

Неудача моей записки, которую приписываю инертности и консервативности буржуазных слоев московского общества, не лишает меня уверенности, что меры, в ней предлагаемые, рано или поздно будут приняты.

Записка эта исчерпывает мое политическое и военное мировоззрение. Она передана мною комиссару фронта.

Подполковник

Евгений Кельчевский

Военный судья полковник

Франк

Пом[ощник] комиссара Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]

Костицын

Нач[альник] отделения комиссарюжа подполк[овник]

Шестоперов

Полевой военный прокурор ген[ерал]-лейт[енант]

Батог

Член Исполнит[ельного] комитета Ю[го-]З[ападного] фронта прапорщик

Удальцов

BAR.R.R. Raupakh collection. Box 1. T. 1. L. 39–45об. Подлинник. Автограф.

№ 6

Протокол допроса штаб-офицера для поручений по авиации при управлении генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта подполковника В.В. Колоссовского

Протокол

31-го августа 1917 г. комиссия в составе председателя, военного судьи полковника Франка и членов: помощника комиссара В.А. Костицына, подполковника Шестоперова, прапорщика Удальцова, фейерверкера Левенберга в присутствии полевого военного прокурора генерал-лейтенанта Батога допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля:

Владимир Васильевич Колоссовский, подполковник Генерального штаба, штаб-офицер для поручений по авиации при угенкварюз^а.

Показания записываю собственноручно.

В штаюз я прибыл из служебной командировки всего за 3 дня до событий 27–28 августа, поэтому предшествующая этим событиям деятельность генерала Маркова и его соучастников мне неизвестна. Общая обстановка, которую я застал в штабе, сводилась к следующему. Генерал Марков всему задавал тон и царил в штабе неограниченно. Он определенным образом враждебно относился к выборным войсковым организациям и к комиссариату. Мне лично генерал Марков объявил, что он отзывает меня из редакционной комиссии «Армейского вестника», где я раньше состоял по распоряжению прежнего наштаюз генерала Духонина⁶⁴, и строго запрещает мне давать какие-либо статьи или матерьялы в «Армейский вестник». Из разговоров с офицерами штаба и из некоторых, вскользь сказанных

^а Угенкварюз – управление генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

слов генерала Маркова во время одного из вечерних докладов, я узнал, что в России повсеместно ожидается организованное выступление большевиков.

Генерал Марков прочел даже вслух постановление, кажется, бердичевского совета солдатских и рабочих депутатов, напечатанное в одной из бердичевских газет, о том, что совет не остановится перед повторением Варфоломеевской ночи. Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит, но я не могу утверждать, что это был определенный контрреволюционный заговор и что существовала в этом духе какая-либо организация. Ко мне лично генерал Марков с первого дня моего приезда относился довольно враждебно. Несколько раз он пробирал меня за то, что я пишу в «Армейском вестнике» и имею дело с комитетами. Так все продолжалось до 27 августа. В этот день вечером мы собрались все на обычный доклад в оперативное отделение, причем я заметил, что на докладе присутствует больше лиц, чем это бывает обыкновенно. Во время доклада генерал Марков прочел вслух три телеграммы – одну от генерала Корнилова об его отказе сдать должность Главковерха, одну от генерала Деникина на имя Керенского о сочувствии Корнилову и одну от Маркова Керенскому о присоединении к Деникину.

После этого генерал Марков сказал всем присутствующим, что «дело каждого поступить по его совести», но он, Марков, определенно выступает на стороне Корнилова. После этого все присутствующие разбились на малые группы и начали горячо обсуждать создавшееся положение.

Генерал Марков подходил к некоторым группам и что-то им говорил. Что именно – я не слышал из-за шума. Я лично ни с кем не разговаривал и тотчас же ушел домой, где и лег спать. Около 2 часов ночи меня поднял с постели пришедший из штаба вестовой и сказал, что меня требует к себе генерал Орлов. Я оделся и пошел в штаб. Я понимал, что может быть меня зовут принять участие в каких-либо незаконных выступлениях. Я решил ничего незаконного не выполнять, так как я совершенно не сочувствовал движению против правительства и был всецело на стороне народа. В кабинете генерала Орлова я застал группу лиц, там был подполковник Акинтьевский⁶⁵, капитан Коновалов и еще кто-то. Генерал Орлов сказал мне, что на меня им возложена военная цензура газеты «Свободная школа» и что я утром должен процenzурировать очередной номер этой газеты. В мое распоряжение генерал Орлов назначает взвод казаков, которые придут к штабу. Я просил указать закон, на основании которого газеты должны цензурироваться, и просил дать мне об этом предписание на бумаге. Относительно казаков я сказал, что они не нужны, я с успехом могу выполнить поручение сам. По приказанию генерала Орлова из Особого отделения принесли номер газеты «Вестник Временного правительства», где действительно я нашел постановление правительства от 26 июля о военной цензуре.

Затем мне было выдано предписание со ссылкой на это постановление, о возложении на меня цензуры «Свободной школы». При таких условиях я не считал себя вправе, как дисциплинированный офицер, не исполнить приказания генерала Орлова. В то же время и нравственно я чувствовал, что не приношу никакого вреда народу и завоеваниям революции. Такие же предписания, но с поручением цензурировать другие газеты, были выданы генералом Орловым еще и капитанам

Цеплиту⁶⁶ и Коновалову. По получении предписания я ушел из штаба и не знаю, какие распоряжения другим лицам отдавали генералы Марков и Орлов.

Дома я лег спать. Однако около 4 часов утра меня снова разбудил вестовой и сказал мне, что меня требует в штаб начальник отделения полковник Шишковский⁶⁷. Я снова пошел в штаб.

Полковник Шишковский сказал мне, что приказано всем офицерам спать в отделениях, и потому он меня вызвал. Я лег спать на полу на шинели. Около 7 часов утра я проснулся и пошел в редакцию «Свободной школы». Дорогой на Махновской^a улице я встретил взвод казаков с офицером, который сказал мне, что взвод назначен в мое распоряжение. Я приказал взводу ехать домой и ложиться спать. Это мое приказание слышал находившийся со мной случайно поручик контрразведывательного отделения князь Кантакузен. В редакции и типографии я узнал, что газета сегодня не выходит.

Тогда я ушел домой, считая свое поручение выполненным. В дальнейшем я никаких приказаний от генералов Маркова или Орлова не получал и никаких поручений, кроме обычных служебных обязанностей, не выполнял. Относительно участия в событиях генерала Деникина и других лиц, ныне арестованных, я ничего не знаю. Мне неизвестно также ничего о связи событий в штабзе с событиями в других штабах и внутри России. Общее мое впечатление, что душой всех событий в штабзе был генерал Марков и что мне лично он не вполне доверял.

Подполковник	<i>Колоссовский</i>
Нач[альник] отделения комиссарюза подполк[овник]	<i>Шестоперов</i>
Пом[ощник] комиссара Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]	<i>Костицын</i>
Член исполнительного комитета Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]	<i>Левенберг</i>
Военный судья полковник	<i>Франк</i>
Полевой воен[ный] прокурор ген[ерал]-лейт[енант]	<i>Батог</i>
Член Исполнит[ельного] к[омитета] Ю[го-]З[ападного] фронта прап[орщик]	<i>Удальцов</i>

BAR.R.R. Raupakh collection. Box 1. T. 1. Л. 66–67об. Подлинник. Автограф.

№ 7

Протокол допроса военного комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданского

14 октября 1917 г.

Я, комиссар Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта, Николай Иванович Иорданский, показываю:

С генералами Деникиным и Марковым я виделся: с первым – два раза, со вторым – раза три; эти деловые свидания при полной корректности внешней формы оставили во мне чувство глубокой неудовлетворенности по существу наших разговоров. Несмотря на то, что указал ген[ералу] Деникину, что мои политиче-

^a Так в документе. Правильно: «Маховой».

ские взгляды и мое отношение к войне, неоднократно заявленное мною в печати, заставляют меня посвятить все силы восстановлению боеспособности армии дружными и совместными усилиями командного состава, комитетов и комиссаров, генералы Деникин и Марков совершенно откровенно высказали свое вполне отрицательное отношение и к комитетам, и к комиссариату и не обнаружили никакого желания наладить общую работу. И то короткое время, когда я и ген[ерал] Деникин ведали – каждый в своей области – жизнь Ю[го-]З[ападного] фронта было тяжелым временем ненужной и вредной борьбы штаба фронта с демократическими организациями и представителем Временного правительства. Ни одно законное требование не удовлетворялось штабом, раздражение солдатских масс росло. Указания комиссариата встречались враждебно. При этом во второй половине августа ген[ерал] Деникин взял какой-то странный тон. Он стал говорить о том, что не дорожит должностью, что Временное правительство может, если хочет, его выгнать и выражал удивление, что его до сих пор еще не выгнали. Оставалось впечатление, будто г[енерал] Деникин желает подчеркнуть, что Временное правительство и хотело бы от него избавиться, да не может.

22 августа, когда я последний раз видел г[енерала] Деникина, он сделал загадочное для меня заявление по поводу моих слов о необходимости изменить его отношение к войсковым организациям: «Подождите немного, до 27-го, тогда все выяснится». Я не понял тогда, что это значит. Но впечатление какой-то тайны осталось настолько ярким, что, когда бывший при нашем разговоре шт[абс]-кап[итан] Иванов спросил меня: «Не кажется ли Вам, что Деникин на что-то и на кого-то надеется?» – Я ответил: «Несомненно, он имеет чью-то сильную поддержку в своей антиправительственной линии. Вероятно, Корнилов дал ему серьезные обещания».

22 августа вечером я выехал в Ставку на совещание, созванное Корниловым. Совещание это носил[о] странный характер. Созывалось оно, как видно из прилагаемых документов, Корниловым; приглашение было послано в неправильной форме, которую пришлось взять назад; цель не была указана; сказано было, что совещание «секретное». Когда возникли сомнения по поводу того совещания, то я получил два разъяснения: от комиссарверха^а Филоненко, в котором говорилось, что совещание созывается «вследствие желания Главковерха осведомить представителей армии относительно характерных черт переживаемого весьма серьезного в смысле военно-стратегическом момента» и от упр[авляющего] воен[ным] ми[нистерством] Савинкова, где говорилось, что совещание созывается «для заслушивания проектов положения о комитетах и комиссарах». В последнем случае никакой секретности в совещании не было, так как проекты уже были опубликованы в печати. Казалось, что цели совещания подверглись внезапному изменению. На самом совещании у большинства явилась мысль, что совещание было созвано для какой-то другой цели, спешно измененной по неизвестным причинам. Поэтому все совещание превратилось в бесплодное сидение. Проект положения оказался незаконченным наброском, уже неоднократно обсуждавшимся, и никто не понимал, для чего же мы созданы? Тем более, что во время совещания выясни-

^а Комиссарверх – комиссар Ставки.

лось, что Корнилов не согласен с Савинковым и не утвердит такого положения, как слишком радикального.

Томительное сидение закончилось неожиданно сильным эффектом. 25-го утром мы получили известие, что совещание посетит Корнилов. Он явился, просил гр[афа] Толстого⁶⁸ продолжать доклад против положения; затем потребовал превращения заседания в закрытое и взял слово. Он охарактеризовал положение на Северном фронте, упомянул о взятии Риги, о возможном десанте, о Финляндии и закончил приблизительно такими фразами: «А вы в такое время занимаетесь спорами о том, кто кому подчинен! Здесь вам прочли какой-то проект, в котором есть параграфы, противоречащие военной дисциплине. Моя программа известна. Я изложил ее в записке Временному правительству. Ничего другого я не приемлю. И относительно этого проекта я прямо заявляю: не допущу!» С этими словами Корнилов быстро повернулся и вышел из комнаты. За ним выбежал Филоненко. Вскоре Филоненко возвратился, произнес несколько фраз о большевистском заговоре и объявил совещание закрытым. Поведение Корнилова привело всех в крайне тревожное состояние, хотя многие считали все это плохо сыгранной пьесой. Но ясно было, что Корнилов открывает войну. Приезд из Петрограда в Ставку нескольких генералов из Главного штаба в этот день еще более возбуждал подозрения, ввиду ходивших слухов о контрреволюционном заговоре среди высшего офицерства.

26/VIII около 2-х часов дня я выехал из Ставки на фронт и около 5 часов дня 27-го в Киеве узнал в редакции «Киевской мысли» телеграмму Керенского. Я немедленно отправился к прямому проводу и вызвал нач[альника] пол[итического] управления воен[ного] мин[истерства] поручика Степуна⁶⁹. Разговор мой передан мною следственной комиссии. Провод испортился после нескольких фраз, в которых пор[учик] Степун сообщил мне, что происходит заседание Вр[еменного] правительства, выясняющее вопрос о Корнилове, и просил не предавать широкой огласке полученных известий. Я ответил, что известия уже читаются на митингах в Киеве. В это же время в Киеве по прямому проводу было получено извещение от ЦИК Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], где указывалось определенно на контрреволюционный характер выступления Корнилова и на необходимость борьбы с ним. Зная взгляды ген[ералов] Деникина и Маркова, я немедленно стал вызывать к прямому проводу своего помощника. Но это мне удалось не сразу. Первоначально штаб фронта ответил мне, что мой помощник находится в армии. Тогда я просил вызвать начальника инсп[екторского] отделения комиссариата полк[овник] Асатяни. Мне ответили: по оперативному телеграфу может говорить только дежурный офицер. В ответ на это я именем Вр[еменного] прав[ительства] потребовал, чтобы мой вызов был выполнен. Разговаривавший со мной заявил, что доложит нач[альнику] штаба ген[ералу] Маркову. После долгого ожидания мне сообщили, что послано за полк[овником] Асатяни. Я сообщил ему полученные известия и просил, по соглашению с искомитюзом принять меры к избежанию эксцессов как справа, так и слева. Затем я вызвал по прямому проводу Особую армию, где находились мои помощники, но мне не удалось переговорить с ними ввиду их отсутствия. Ответ офицера Ген[ерального] штаба Глиндского⁷⁰ на

мой запрос о Корнилове (см. прилагаемую юзограмму^а), что Корнилов ведет переговоры с правительством о том, чтобы спасти родину, в то время, как мои сведения говорили о вооруженном сопротивлении правительству, убедил меня в опасности положения на Юго-Зап[адном] фронте. На другой день в 8 ч. утра я на автомобиле выехал из Киева вместе с председателем искомитюза Дашевским⁷¹.

Не имея сведений о положении дел в штабе фронта, мы решили остановиться в Житомире и там узнать, что делается в Бердичеве.

В Житомире около 2 часов дня мы обратились к бывшему члену 3 Гос[ударственной] думы г-ну Покровскому⁷², который сказал нам, что происходит собрание служащих снабюза, которым ген[ералы] Сергиевский и Павский объявили, что началась борьба между Керенским и Корниловым и что теперь все должны стать на сторону Корнилова. То же, кто этого не сделает, должны покинуть службу. Д[окто]р Покровский обратился к нам с вопросом: неужели контрреволюция уже победила? Сообщив ему наши сведения, я и Дашевский попытались переговорить с Бердичевым, но оказалось, что это невозможно, так как телеграф и телефон были заняты по приказанию ген[ерала] Эльснера казаками, не допускаями переговоров. Убедившись, что сторонники Корнилова перешли к действиям и прибегли к вооруженной силе, и, не имея никаких сведений о Бердичеве, я должен был принять меры к восстановлению власти Врем[енного] правительства. Я обратился в Совет [...] ^б депутатов и через некоторое время приступил к формированию отряда для освобождения арестованных в Бердичеве, как я был уверен, чинов комиссариата и членов Исполнительного комитета фронта, а также для подавления мятежных попыток сторонников Корнилова, угрожавших спокойствию фронта. Около 8 часов вечера, очистив телеграф и телефон от казаков, которые, видя настроение солдат, мирно ушли со станций и заявили, что они не намерены защищать Корнилова, я, наконец, получил возможность соединиться с Бердичевым и узнать, что попытка вооруженного мятежа, сделанная Марковым и Деникиным в штабе фронта, также ликвидирована.

В тот период, когда настроение казаков еще не определилось, и они колебались, нужно ли им исполнять приказание ген[ерала] Эльснера, я, опасаясь возможных осложнений, оказался в необходимости отдать распоряжение об аресте ген[ерала] Эльснера, Павского, Сергиевского. Ночью я возвратился в г. Бердичев, где узнал, что ген[ералы] Марков и Деникин находятся под домашним арестом с исполнением служебных обязанностей. На другой день ввиду обнаруженного арестованными генералами намерения вызвать вооруженную силу, [а] именно, чешско-словацкий батальон, я для прекращения подобных попыток и для избежания возникновения на фронте Гражданской войны отдал распоряжение о приводе всех арестованных генералов в помещение военной гауптвахты на Лысой горе. 14 октября 1917 года.

Военный комиссар Временного правительства при армиях Ю[го-]З[ападного] фронта
Н. Иорданский

^а Не публикуется.

^б Слово неразборчиво.

Члены исполнит[ельного] комит[ета]
Ю[го-]З[ападного] ф[ронта]

*Левенберг
Ив. Удальцов
Шестоперов*

Н[ачальни]к отдела комиссарюза подполк[овник]

BAR.R.R. Raupakh collection. Box 1. T. 3. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ *Бурцев Владимир Львович* (1862–1942) – публицист и общественный деятель.

² *Деникин Антон Иванович* (1872–1947) – генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

³ *Марков Сергей Леонидович* (1878–1918) – генерал-лейтенант, начальник штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

⁴ *Эрдели Иван Георгиевич* (1870–1939) – генерал от кавалерии, командующий Особой армией.

⁵ *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) – министр-председатель Временного правительства. А.Ф. Керенский вернулся в Петроград 12 сентября, а комиссия – днем позже. В ночь на 12 сентября арестованные в Ставке офицеры во главе с генералом Л.Г. Корниловым были переведены из Могилева в Быхов.

⁶ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий.

⁷ Отсылка к Своду военных постановлений 1869 г.

⁸ *Иорданский (Негорев) Николай Иванович* (1876–1928) – комиссар Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта.

⁹ О том, что в Бердичеве готовилась расправа, писал генерал М.В. Алексеев П.Н. Милюкову 12 сентября 1917 г. Он же отмечал вовлеченность Керенского в подготовку корниловского выступления (Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 599). О существовании сговора Керенского и Корнилова писал и Л.Д. Троцкий в статье «На чистую воду!», опубликованной 8 сентября 1917 г. (Троцкий Л.Д. Сочинения. М., 1924. Т. 3. Ч. 1. С. 270–274).

¹⁰ *Батог Сергей Александрович* (1863–?) – генерал-лейтенант, военно-полевой прокурор, заведующий военно-судной частью Юго-Западного фронта.

¹¹ *Муравьев Борис Петрович* (1890–1966) – капитан 2-го ранга, флаг-капитан при А.Ф. Керенском.

¹² *Стааль Алексей Федорович* (1873–1949) – прокурор Московской судебной палаты, главнонаблюдающий за следствием по делу Л.Г. Корнилова.

¹³ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) – генерал от инфантерии, состоял в распоряжении Временного правительства, начальник штаба Верховного главнокомандующего (30.08–11.09.1917).

¹⁴ *Львов Владимир Николаевич* (1872–1934) – политический деятель, посредник на переговорах между А.Ф. Керенским и Л.Г. Корниловым.

¹⁵ *Филоненко Максимилиан Максимилианович* (1885–1960) – штабс-капитан, верховный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего.

¹⁶ *Шабловский Иосиф Сигизмундович* (1873–1934) – присяжный поверенный, председатель Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках.

¹⁷ *Украинцев Николай Петрович* (1886–после 1968) – полковник, военный юрист. Член Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках.

¹⁸ *Миллюков Павел Николаевич* (1859–1943) – общественно-политический деятель, председатель ЦК партии кадетов. Публикацию письма Алексеева Миллюкову об этом от 12 сентября 1917 г. см.: Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. С. 598–601.

¹⁹ *Николаевский К.В.* (?–1936) – инженер, один из руководителей «Республиканского центра».

²⁰ *Трубецкой Григорий Николаевич* (1873–1930) – князь, общественно-политический деятель, вр.и.о. директора дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем.

²¹ Речь идет о статье: Дубовский А. Ставка и Савинков // Утро России (Москва). 1917. № 216. 06.09. С. 1.

²² Подробнее об объединении двух дел см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1. С. 490–491.

²³ *Чунихин Георгий Львович* (1893–1918) – штабс-капитан, член Главного комитета Союза офицеров армии и флота.

²⁴ «Кто поднял голос, в защиту людей, безнаказанно травмиемых только потому, что они, исполняя свой государственный и общественный долг, молчали, связанные тайной следствия, – тайной, бесстыдно другими нарушаемой?» (Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 193).

²⁵ *Савинков Борис Викторович* (1879–1925) – революционер, один из лидеров партии эсеров, участник переговоров с генералом Л.Г. Корниловым.

²⁶ *Зарудный Александр Сергеевич* (1863–1934) – присяжный поверенный, министр юстиции Временного правительства.

²⁷ В документе – П.И. Финисов, но, по всей видимости, речь идет о *Финисове Петре Николаевиче* (1879–1953) – инженер путей сообщения, один из руководителей «Республиканского центра».

²⁸ Штамп: «Полевой военный прокурор армий Ю[го-]З[ападного] фронта. 30 авг[уста] 1917. Вход. № 1909. Резолюция карандашом: «Получено в 3 часа дня 30 авг[уста]. Подпись неразборчива». Резолюция чернилами: «Прошу переговорить».

²⁹ *Орлов Михаил Иванович* (1875–1944) – генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта.

³⁰ *Эльснер Евгений Феликсович* (1867–1930) – генерал-лейтенант, главный начальник снабжений Юго-Западного фронта.

³¹ *Павский Иван Владимирович* (1870–1948) – генерал-лейтенант, помощник главного начальника снабжений Юго-Западного фронта.

³² *Сергиевский Дмитрий Дмитриевич* (1867–1920) – генерал-майор, начальник канцелярии главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта.

³³ *Асатиани Самсон Малахиевич* (1873–?) – полковник, вр.и.д. начальника 3-го отдела управления комиссара Юго-Западного фронта.

³⁴ Впервые опубликовано в сокращении: Ганин А.В. Допрос генерал-лейтенанта Деникина // Родина. 2017. № 8. С. 14–18.

³⁵ *Костицын Владимир Александрович* (1883–1963) – социал-демократ, математик, астрофизик, помощник военного комиссара Юго-Западного фронта, заменял Н.И. Иорданского во время его отсутствия, руководил отправкой бердичевской группы арестованных по делу Л.Г. Корнилова в Быхов. По свидетельству Костицына, «высшее командование в лице главнокомандующего ген. Деникина встретило нас прямым саботажем, и первое мое свидание с ним было очень бурное и закончилось почти разрывом» (См. автобиографию Костицына в кн.: Костицын В.А. «Мое утраченное счастье...»: Воспоминания, дневники. М., 2017. Т. 1. С. 64).

³⁶ *Шестоперов* – подполковник, заведующий юридической частью комиссариата Юго-Западного фронта.

³⁷ *Удальцов Иван Дмитриевич* (1885–1958) – прапорщик, член исполнительного комитета Юго-Западного фронта, юрист, впоследствии – ректор МГУ.

³⁸ *Левенберг Эдуард Александрович* (1886/1888–не ранее 1956) – фейерверкер, эсер, член исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

³⁹ Видимо, речь о Б.В. Савинкове.

⁴⁰ *Плеханов Георгий Валентинович* (1856–1918) – философ, теоретик марксизма.

⁴¹ *Лукомский Александр Сергеевич* (1868–1939) – генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего.

⁴² *Клембовский Владислав Наполеонович* (1860–1921) – генерал от инфантерии, командующий Северным фронтом.

⁴³ Подробнее см.: Ганин А.В. «Всею душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...» Неизвестное письмо генерала С.Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109.

⁴⁴ *Лосев Иван Николаевич* (1881–?) – полковник, командир 1-го Оренбургского казачьего полка.

⁴⁵ *Койре Александр Вольфович* (1892–1964) – русско-французский философ еврейского происхождения, выходец из России, историк науки, в 1917 г. младший фейерверкер 100-й артиллерийской бригады, член Исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

⁴⁶ *Колчинский Мирон Аркадьевич* – рядовой 314-го пехотного Новооскольского полка, товарищ председателя исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

⁴⁷ *Торбек Георгий Георгиевич* (1890–?) – врач, член исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

⁴⁸ *Келчевский (Кельчевский) Евгений Анатольевич* (1883–1935) – подполковник, и.д. начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

⁴⁹ Имеется в виду Государственное совещание в Москве 12–15 августа 1917 г.

⁵⁰ Речь идет об июльском выступлении большевиков в Петрограде 3–5 июля 1917 г. Подробнее см.: Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. Сб. док. М., 2012. Кн. 1–2. Рига была взята немцами 21 августа 1917 г.

⁵¹ Рига была взята немцами 21 августа 1917 г.

⁵² Правильно: Дитерихс. *Дитерихс Михаил Константинович* (1874–1937) – генерал-лейтенант, начальник штаба III конного корпуса.

⁵³ *Огородников Федор Евлампиевич* (1867–1939) – генерал-лейтенант, начальник штаба и вр.и.д. главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (с 29.08.1917).

⁵⁴ *Эльснер Игорь Евгеньевич* (1893–?) – штабс-капитан.

⁵⁵ *Долинский (Доливо-Долинский) Евгений Петрович* (1874–1950) – полковник, начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

⁵⁶ *Дзевановский Вячеслав Андреевич* (1870–1944) – генерал-майор, начальник военных сообщений армий Юго-Западного фронта.

⁵⁷ *Волков Сергей Матвеевич* (1871–1938) – генерал-майор, дежурный генерал штаба Юго-Западного фронта.

⁵⁸ *Колосовский Владимир Васильевич* (1884–1944) – подполковник, штаб-офицер для поручений по авиации при управлении генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

⁵⁹ *Олейников* (возможно, *Валериан Александрович*) – подполковник, заведующий радиотелеграфом Юго-Западного фронта.

⁶⁰ *Арнольдов Владимир Николаевич* (1883–?) – подполковник, начальник контрразведывательного отделения штаба Юго-Западного фронта.

⁶¹ *Коновалов Герман Иванович* (1882–1936) – капитан, и.д. помощника начальника оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

⁶² *Клецанда Войтех Владимир* (1888–1947) – поручик, переводчик штаба Юго-Западного фронта.

⁶³ *Завойко Василий Степанович* (1875–1947) – прапорщик, ординарец и политический советник генерала Л.Г. Корнилова.

⁶⁴ *Духонин Николай Николаевич* (1876–1917) – генерал-майор, начальник штаба Юго-Западного фронта (до 04.08.1917).

⁶⁵ *Акинтиевский Константин Константинович* (1884–1962) – подполковник, и.д. начальника особого отделения штаба Юго-Западного фронта.

⁶⁶ *Цеплит Иван Яковлевич* (1881–1956) – капитан, помощник начальника контрразведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

⁶⁷ *Шишковский Евгений Евгеньевич* (1880–1938) – полковник, начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

⁶⁸ *Толстой Александр Петрович* (1863–?) – граф, общественно-политический деятель.

⁶⁹ *Степун Федор Августович* (1884–1965) – поручик, и.д. начальника политического управления военного министерства.

⁷⁰ *Глиндский (Глиндемман) Владимир Петрович* (1890–1977) – капитан, в прикомандировании к оперативному отделению отдела генерал-квартирмейстера штаба Особой армии.

⁷¹ *Дашевский Иосиф Самойлович* (1891–1937) – эсер, председатель Исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

⁷² *Покровский Иван Петрович* (1872–1963) – врач, член 3-й Государственной думы от казацкого населения Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии.